

ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

XVIII съезд ВКП(б) подвел радостный итог всемирно-историческим победам социализма в нашей стране. В речи при открытии съезда тов. Молотов сказал: «Мы завершили в основном целую эпоху строительной работы, чтобы вступить в новую эпоху, в эпоху постепенного перехода от социализма к коммунизму». Развёрнутую программу борьбы за построение полного коммунистического общества дал великий вождь мирового коммунизма—товарищ Сталин.

Отчетный доклад товарища Сталина—новый драгоценный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Он служит новым блестящим образцом того, как в неразрывной связи с опытом и практикой социалистического строительства обогащается и развивается марксистско-ленинская теория, которая в свою очередь освещает дорогу революционной практике. «Без революционной теории не может быть и революционного движения»,— писал Ленин¹. Ленин и его гениальный продолжатель товарищ Сталиндвигают революционную теорию вперед, обогащая ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата и построения коммунистического общества на одной шестой части земли.

Как и Маркс и Энгельс, как и Ленин, товарищ Сталин придает огромное значение овладению марксистско-ленинской теорией. «Есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки,—это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма... Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки,—он должен быть вместе с тем политиком-общественником, живо интересующимся судьбой своей страны, знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страны». А познать законы общественного развития можно лишь на основании всей суммы накопленных знаний об историческом развитии человеческого общества.

Основоположники марксизма используют и перерабатывают колоссальный исторический материал для того, чтобы обогатить и развить марксистско-ленинскую теорию, дать пролетариату мощное теоретическое оружие в его борьбе за коммунизм. «Самое надежное в вопросе обществен-

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 380.

ной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,—самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это—не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Продолжая дело Ленина, товарищ Сталин, обобщив гигантский опыт двадцатилетнего существования советского государства в капиталистическом окружении, разработал и по-новому поставил вопрос о государстве в эпоху перехода от социализма к коммунизму. Товарищ Сталин исходит из анализа функций государства в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществах, чтобы противопоставить этому государству сущность и назначение социалистического государства в разных фазах его исторического развития и указать путь развития социалистического государства в процессе перехода от социализма к коммунизму.

Анализ государства в докладе товарища Сталина дает историку-марксисту ценнейшие указания, каковы должны быть путь и метод исследования исторического процесса для правильного познания закономерностей развития общества. Товарищ Сталин учит нас, вскрывая в исторических явлениях общие закономерности, анализировать вместе с тем частное, единичное, отдельное, находить новые закономерности в новых конкретно-исторических условиях.

Энгельс писал в «Людвиге Фейербахе», что «с каждым, составляющим эпоху, открытием, даже в естественноисторической области» («не говоря уже об истории человечества») «материализм неизбежно должен изменить свою форму»². Величайшая эпоха в истории человечества—эпоха социализма—обогащает марксистско-ленинское учение познанием новых закономерностей, в свете которых углубляется понимание и прошлой истории человечества.

«Овладеть марксистско-ленинской теорией—значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь развивать ее и двигать вперед, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа теории, заменить некоторые ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке»³. Перед историками стоит задача пересмотреть ряд вопросов истории, в решении которых исходили из буквы, а не существа марксистско-ленинской теории, освободить историческую науку от упрощенства и вульгаризации в толковании исторических явлений, от антимарксистских извращений, связанных со «школой» Покровского, преодолеть схематичность в постановке ряда проблем.

Возьмем тот же вопрос о государстве. О нем много писали и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и Сталин. В их трудах мы имеем гениальные исторические обобщения, основанные на глубоком и всестороннем анализе конкретных исторических явлений. В своем отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин дал исчерпывающую общую формулу происхождения и функций государства и показал изменения функций и назначения государства не только в результате сокрушения буржуазного строя и победы диктатуры пролетариата, но и на разных этапах движения соци-

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 364.

² Цит. по Ленину, Соч., т. XIII, стр. 206.

³ «История ВКП(б)». Краткий курс, 1938, стр. 340.

алистического общества к коммунизму. Здесь даны руководящие указания, как надо подходить к анализу государства. Между тем, в работах историков древности вопрос о государстве не получил должного освещения. Часто историки древности принимают государство как данное, не раскрывая ни причин, ни условий его возникновения, ни его функции в конкретной исторической обстановке.

Историки применяют сплошь и рядом такие термины, как «ассирийская военная держава», «македонская монархия», или неопределенный термин «государственные образования», не давая им конкретной характеристики. Энгельс предостерегает против подмены греческого базилевса современным монархом; однако наши историки не вскрывают содержания понятий «царство», «монархия», «империя», «демократия» в применении к государствам древности. «Внешняя (не главная) функция» древнего государства, заключающаяся в том, чтобы расширять государственную территорию, занимает все внимание историков, а «внутренняя (главная)—держать эксплуатируемое большинство в узде»—остается в тени. Да и в характеристике «внешней функции» упускается подчас из виду, что речь идет о расширении территории «своего господствующего класса за счет территории других государств», а ведь только в свете этого сталинского указания войны древнего мира могут получить правильное объяснение и точную характеристику.

Вопрос о происхождении и функциях древних государств тесно связан с исследованием истории самих производителей материальных благ, с историей трудящихся масс. До сих пор еще наблюдающаяся у некоторых историков путаница в вопросе о характеристике древневосточных обществ в значительной степени объясняется игнорированием этих производителей материальных благ и способов их эксплуатации.

Энгельс в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» указывает, что государство как организованное насилие само по себе еще ничего не объясняет; «различные социальные и политические формы должны быть объяснены не насилием, которое ведь всегда остается одним и тем же, а тем, к чему насилие применито, что является объектами грабежа—продуктами и производительными силами каждой эпохи и вытекающим из них самих их распределением. И тогда оказалось бы, что восточный деспотизм был основан на общинном землевладении, античные республики—на городах, занимавшихся земледелием, Римская империя—на латифундиях, феодализм—на господстве деревни над городом, и для всего имелись материальные основы и т. д.»¹. К сожалению, это замечание Энгельса не используется, не разрабатывается нашими историками, а ведь здесь ключ к пониманию причин возникновения столь разнообразных форм политической надстройки в древних рабовладельческих обществах, в частности причин краха Римской республики и ее замены империей.

Историки древности, конечно, знают и используют анализ условий возникновения древних государств, данный в «Происхождении семьи...» Энгельса и в «Лекции о государстве» Ленина. Но ни характер классообразования, приводящего к возникновению государства, ни сопротивление, оказываемое этому процессу органами родового строя, не получили подобающего освещения в трудах наших историков. Между тем, при всей скучности источников данные об этом всё же имеются и для древнего Двуречья, и для Египта, и для Израиля. А разработка этих вопросов чрезвычайно важна для понимания и политической истории и экономической структуры отдельных древних обществ, так как роль и общественно-экономическое значение рабства находятся в соответствии со степенью разло-

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, 1938, стр. 385.

жения старого общинного быта. Даже в классических странах рабства в пору наибольшего его расцвета продолжают чувствоватьться еще сильные пережитки общинного быта, особенно в сфере идеологии.

Требует еще конкретного исследования роль рабства в прогрессивном развитии человеческого общества. «Только рабство создало возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью и, благодаря ему, расцвета древнегреческого мира. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы. Мы не должны забывать, что всё наше экономическое, политическое и умственное развитие вытекло из такого предварительного состояния, при котором рабство было настолько же необходимо, как и общепризнано. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма»¹. Историки охотно цитируют это место из «Анти-Дюринга», но конкретно этого тезиса не развивают, не наполняют его материальным содержанием, не показывают, по каким линиям шло развитие производительных сил в древности благодаря рабству и как благодаря тому же рабству древние общества погибли. Ведь развитие рабства — процесс диалектический. Рабство само создает предпосылки для своего уничтожения; оно в конце концов становится помехой для дальнейшего роста производительных сил, требующих замены рабства более прогрессивной социально-экономической формацией. Этот процесс должен быть прослежен на материале преимущественно римской истории, и тогда крах республики, а затем падение Римской империи получат правильное освещение.

Основоположники марксизма, изучившие и проработавшие колossalный исторический материал, вывели законы развития древних обществ. Необходимо эти общие законы уметь лишь прилагать к конкретным явлениям исторической действительности, не подменяя исследования этой действительности общей схемой.

По поводу положения Гегеля, что «царство законов есть *покоящийся* (курсив Гегеля) образ осуществляющегося или являющегося мира», Ленин замечает: «Это замечательно материалистическое и замечательно меткое (словом «спокойное») определение. Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен»². В применении к отдельным, особенно историческим, явлениям общие законы расширяются, пополняются, уточняются. Поэтому марксизм-ленинизм означает непрерывное развитие, обогащение теории, конкретизацию, уточнение, улучшение отдельных положений марксизма. «Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем чтобы мы, потомки классиков марксизма, имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения» (Сталин). От деятелей науки требуется, чтобы они творчески владели марксистско-ленинской теорией, умели ее развивать и двигать вперед, как учит нас товарищ Сталин.

Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» призывает работников теоретического фронта покончить с боязнью смелой постановки теоретических вопросов,двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед. Именно этой боязнью, надо полагать, объясняется тот факт,

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, Соч., т. XIV, стр. 183.

² «Ленинский сборник» IX, стр. 129.

что в нашей исторической литературе ряд важнейших вопросов не ставится по-настоящему. В исторической литературе нет ясности в определении понятий «племя», «народ», «национальность», «народность», «раса». Вышедший недавно коллективный труд «Наука о расах и расизме» трактует эти вопросы с точки зрения социологической и антропологической; исторического исследования на эту тему, в частности в применении к древности, у нас нет.

Что представляет собою римский народ в эпоху республики и в эпоху империи? В каком смысле следует понимать выражения Энгельса о нации или народе в божественных богах древних евреев или о национальных богах древних народов, богах, «власть которых не переходила за границы охраняемой ими национальной области»? Ведь Энгельс сам указывает на то, что «национальные стили возможны только благодаря падению римского мирового господства». Что служило основой объединения у греков и у италиков? В чем выражается этническое единство древних народов, каков характер «союза родственных племен» в древних рабовладельческих государствах в отличие от таких же союзов в варварских обществах? Все эти вопросы в нашей исторической литературе не только не разрешены, но и не ставились по-настоящему.

С вопросом о племенах, нациях и т. д. тесно связан вопрос об этногенезе, которым усиленно в последнее время занимаются многие наши историки. Достаточно проследить исторические судьбы древних кельтов и германцев, народов Малой Азии или таких расплывчатых конгломератов, как скифы, готы, аланы, чтобы убедиться в полной беспочвенности и антинаучности рассуждений о каких-либо избранных народах, о «высших» и «низших» нациях и расах.

В исследовании этногенеза современных народов огромную роль должно сыграть марксистское изучение истории языков, основу которому положил акад. Н. Я. Марр. К сожалению, у нас до сих пор нет тесного единения между историей и языкоznанием, обе дисциплины изучаются и развиваются параллельно, кое-где соприкасаясь, но нигде органически не соединяясь.

Особенно важно для истории нашей родины разработать проблему этногенеза и исторических судеб восточных славян. С этой точки зрения надо приветствовать организацию в составе Института истории Академии наук секции славяноведения, где, надо полагать, к разработке истории древних славян будут привлечены и историки в широком смысле слова, и археологи, и лингвисты.

Частным вопросом, связанным с проблемой этногенеза в свете нового учения о языке, является вопрос об «арийцах». Когда европейские ученые XIX в. изучили санскрит и древнюю индийскую литературу, это произвело переворот в языкоznании. Ведь еще даже в начале XIX в. было распространено представление, что праязыком был древнееврейский, «на котором Бог говорил с Адамом», и что смешение языков произошло при постройке «Вавилонской башни». Сравнительное языкоznание XIX в. окончательно сокрушило старые библейские взгляды и пыталось установить естественные закономерности в развитии языков. Оно было прогрессивным этапом в развитии науки, поскольку оно исходило из реальных фактов и пыталось осмысливать процесс развития языка исторически. Поэтому индоевропейское сравнительное языкоznание получило в то время признание со стороны лучших представителей человеческой мысли. Энгельс, критикуя филологические бредни Дюринга, писал: «Очевидно, нам приходится иметь дело с филологом, никогда не слыхавшим об историческом языкоznании, так сильно и плодотворно развившемся в последние 60 лет, и поэтому отыскивающим современные возвышенные «образовательные,

элементы» языкоznания не у Боппа, Гримма и Дитца, но у блаженной памяти Гейзее и Беккера¹. Но из факта существования индоевропейской группы языков лингвисты делали далеко идущие неправильные выводы, пытаясь реконструировать никогда не существовавший «праиндоевропейский язык» и заключая отсюда о существовании некогда единого народа, от которого путем расчленения произошли современные «индоевропейские народы». В настоящее время западноевропейские лингвисты отказались от этих выводов, так как они не только противоречат историческим фактам, но не могут быть выведены даже для самого праязыка из данных самой сравнительной грамматики. Но даже в таком узком понимании термина «арийские» или «индоевропейские» языки, какое придают ему лингвисты типа де Соссюра или Мейе, он утратил научное значение; буржуазное сравнительное языкоznание не дает и не может дать материалистического объяснения глоттогонического процесса, а лишь классификационную схему.

Материалистическую теорию происхождения и развития языка дал акад. Н. Я. Марр, показавший, что, в частности, индоевропейские языки лишь с та д и я в общем процессе языкоzворчества, которая не связана с какой-либо этнической группой.

Что касается самого термина «арийские» языки, то он давно вышел из употребления, так как название большой семьи языков по имени самой незначительной, хотя и древней, группы носителей его ничем не оправдывается. С таким же успехом эту группу языков можно было бы назвать персидской или русской.

Этот лингвистический термин, применяющийся еще лет 50—60 тому назад, и расширенное толкование, которое ему давалось, надо признать устаревшими, не соответствующими нынешнему состоянию наших исторических знаний. Но это не значит, что можно отрицать историческое существование ариев, засвидетельствованное в источниках. Арии должны быть поставлены на свое место—племени завоевателей, которые некогда вторглись в долину Инда и разрушили древнюю дравидийскую культуру, а затем исчезли с арены истории, как и многие другие древние народы.

Большие задачи стоят перед историками древности в деле изучения древней идеологии, ее истоков и ее обратного воздействия на экономику. Мы не имеем до сих пор марксистской истории античной культуры. Не разработана история древней философии, права, литературы, искусства, религии. Историку приходится самому давать ответ на вопрос о возникновении и роли общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений в древности. При таких условиях не удивительно, что историки обычно ограничиваются более или менее подробным внешним описанием явлений, вместо того чтобы дать марксистский анализ их. Понятно, здесь в первую очередь должны проявить побольше активности специалисты по истории философии, религии и т. д. Но поскольку история не может быть дана в отрыве от развития и изменения идеологий, историкам необходимо самостоятельно продумать ряд вопросов.

Можно ли излагать историю Востока, не касаясь религии Востока? Ее роль настолько велика, что, по словам Маркса (письмо к Энгельсу от 1 июня 1853 г.), «история Востока представляется в виде истории религии», а эта иллюзия рассеивается только при правильном объяснении религии из данных отношений действительной жизни.

Точно так же историю религии античных обществ нельзя сводить к описанию пантеона и изложению мифологии. Античные религии, в том числе

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, Соч., т. XIV, стр. 327.

раннее христианство, отражают в искаженной, фантастической форме глубокие социальные процессы. Борьба философских школ, богословских учений, литературных направлений может служить историку прекрасным материалом не только для характеристики духовной культуры, но и для освещения классовой борьбы, слабо отраженной в дошедших до нас источниках.

Трудно перечислить все многообразные задачи, выдвинутые перед историками-марксистами выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», постановлением ЦК ВКП(б) в связи с выходом этого курса и, наконец, отчетным докладом товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Перед советской наукой открываются величественные перспективы. Мы переживаем самую великую эпоху в истории человечества, эпоху грандиозных побед социализма, достигнутых под мудрым руководством коммунистической партии и гениального вождя трудящихся, товарища Сталина. «Главный итог состоит в том, что рабочий класс нашей страны, уничтожив эксплуатацию человека человеком и утвердив социалистический строй, доказал всему миру правоту своего дела. В этом главный итог, так как он укрепляет веру в силы рабочего класса и в неизбежность его окончательной победы» (Стalin). Этот главный итог окрыляет весь советский народ для борьбы за новые победы коммунизма. Советская наука, тесно связанная с народом, должна подняться до уровня великих достижений нашей социалистической родины и плодотворно работать над коммунистическим воспитанием в нашей стране.

